

сведения по этнографии Эстонии. Некоторые статьи вводят в научный оборот новые полевые и архивные материалы Этнографического музея и Литературного музея им. Ф. Р. Крейцвальда и научного архива Института языка и литературы Академии наук ЭССР. К числу научных достоинств «Ежегодника» надо отнести богатый аппарат, а также весьма полную терминологию, данную с соблюдением особенностей диалектов. Необходимо отметить, что в «Ежегоднике» выдержано одно из важнейших условий полноценной публикации этнографических работ: большое место отведено иллюстративному материалу — картам, рисункам, фотоснимкам.

Однако редакции «Ежегодника Этнографического музея» и ученому совету музея следует учесть некоторые недостатки этого юбилейного выпуска. Прежде всего, это явный перевес статей по материальной культуре; в нем нет статей, посвященных духовной жизни, обычаям и обрядам, семейному быту эстонского крестьянства, бедно представленное народное творчество. Пора обратить также пристальное внимание на всестороннее изучение жизни эстонского колхозного крестьянства и рабочего класса Эстонии.

Л. Н. Терентьева, Н. В. Шлыгина

Е. М. Пещерев а, *Гончарное производство Средней Азии*. Труды Ин-та этнографии АН СССР, новая серия, т. XLII, М.—Л., 1959, 395 стр.

Рецензируемая книга, подводящая итоги многолетним полевым исследованиям автора, написана на большом фактическом материале, собранном непосредственно самой Е. М. Пещеревой в Таджикистане и Узбекистане, гончарство которых она изучала, периодически в течение ряда лет посещая обе эти республики.

Положив в основу исследования полученные на месте конкретные этнографические данные, Е. М. Пещерева дает в своей монографии глубокую всестороннюю характеристику современного среднеазиатского гончарства и намечает основные пути, по которым оно развивалось, начиная от довольно простых и примитивных его форм, когда изготовление глиняной посуды, входя в круг женских занятий, находилось еще на стадии домашнего производства, до сравнительно высоко развитых, когда гончарство, перешедшее со временем к мужчинам, использовавшим при формовке сосудов ножной гончарный станок, стало одним из видов городского ремесленного производства. Работа Е. М. Пещеревой особенно ценна еще и потому, что в приводимой в ней характеристике среднеазиатского гончарства последнее представлено и с технической и с общественной стороны. Несомненно, что такое двустороннее освещение, являясь большой заслугой автора, выгодно отличает этот труд от других подобных работ.

Рецензируемая монография содержит, помимо введения и заключения, две части, соответственно тем двум стадиям развития гончарства, которые намечает Е. М. Пещерева. Первая часть книги — «Женское гончарное производство» — состоит из шести глав, где излагаются сведения по домашнему гончарству, основанному на примитивной ручной технике, в том его виде, как его наблюдала Е. М. Пещерева в некоторых районах горного Таджикистана, к югу от Зеравшанского и Алтайского хребтов. В первой главе указываются места распространения женского гончарного производства в пределах Средней Азии и те условия, в которых оно существует. Е. М. Пещерева отмечает, что женское гончарство до самого последнего времени существовало в таких районах горного Таджикистана, как долина р. Ягноб, некоторые долины южного склона Гисарского хребта, отдельные местности в верхнем и среднем течении р. Кафирниган и по ее притокам. Оно было зафиксировано также вдоль р. Вахш, в долинах рек Кызыл-Су и Ях-Су и по их притокам, в ряде таджикских селений между Вахшем и Кафирниганом, в долине Сурхоба в Каратегине, в нижнем течении р. Хингоу в Тавиль-Даре и Чиль-Даре, в районе Калаи-Хумба на Пяндже, в Нульванде, Вахане, Ишкашиме, в долине р. Хуф и Шугане (группа селений Дармаракхт). Повсюду здесь, как сообщает Е. М. Пещерева, производство посуды носило сезонный характер и велось в условиях домашнего хозяйства.

Во второй главе подробно описана техника изготовления лепной посуды: приготовление глиняного теста, формовка изделий и последующая их обработка, орнаментация, обжиг. Перечислены и описаны применявшиеся при выработке посуды инструменты. Материалы ряда отдельных мест долин Хуфа и Ягноба, Файзабадского района (группа селений Гумбулак) и левобережья р. Вахш, селения Питауди в долине Ях-Су, района Чиль-Дары в нижней части бассейна р. Хингоу и селения Сари Шухон в Каратегине, в которых гончарство стояло на разных уровнях развития, отражают отдельные этапы развития женского гончарства.

Последний раздел второй главы отведен проблеме возникновения ручного круга. Проанализировав приемы лепки сосудов, применяемые таджикскими женщинами, Е. М. Пещерева приходит к справедливому выводу, что развитие гончарной техники на ранних стадиях может идти, хотя и близкими, но все же своими отдельными путями. Несмотря на то, что повсюду, где еще сохранилось женское гончарство, посуду делают единым ручным способом, сама лепка осуществляется двумя различными приемами — спиральным и кольцевым, причем более распространен первый из них. Про-

слеживая развитие технических приспособлений, какими пользовались таджикские женщины, изготовляя лепные сосуды. Е. М. Пещерева приходит к выводу, что ручной круг в Средней Азии должен был в свое время существовать; по ее мнению, он знаменует одну из последующих ступеней развития тех технических приспособлений, какие стали употреблять, когда была осознана полезность применения вращения при формовке гончарных изделий, и которые видела сама Е. М. Пещерева у таджикских женщин. По предположению автора, развитие этих приспособлений могло идти в нескольких направлениях и привести к распространению в Средней Азии ручного круга разных видов. Чтобы показать, каковы могли быть его разновидности, Е. М. Пещерева привлекает этнографические материалы Кавказа и Восточной Европы. Между тем, если принять во внимание, что распространенный ныне в Средней Азии ножной гончарный круг имеет свою особую конструкцию, отличающуюся от конструкции ножного станка, применяемого в других местах земного шара, то, пожалуй, естественнее будет предположить, что среднеазиатский ручной круг, подобно среднеазиатскому ножному станку, также имел свою особую конструкцию, а не походил на кавказский и восточноевропейский, как на то указывает автор.

Третья глава касается состава, назначения и форм сосудов. Говоря о формах бытовых в Таджикистане лепных сосудов, Е. М. Пещерева приводит для некоторых из них археологические параллели, показывая, что они появились еще в очень отдаленное от нас время.

Четвертая глава посвящена орнаментации лепной посуды. В качестве наиболее распространенных способов украшения изделий автор называет налеп и разрисовку разведенной в воде железистой глиной. К более редким, но все же встречаемым, относится процарапанный узор. Описывая орнаменты, Е. М. Пещерева стремится раскрыть их содержание. Останавливаясь на вопросе о значении отдельных узоров, какое им придают мастерицы, Е. М. Пещерева отмечает, что одни из этих узоров уже утратили прежнее значение и ныне воспринимаются чисто эстетически, другие же связаны с магическими представлениями. Говоря об орнаментах, украшающих современные лепные сосуды Средней Азии, Е. М. Пещерева особо отмечает антропоморфные и зооморфные изображения и изображения змей.

В пятой главе указаны знаки, иногда встречающиеся на среднеазиатской посуде ручного изготовления. Е. М. Пещерева не без основания выделяет два рода знаков — владельцев сосудов и мастеров, изготовлявших эти изделия.

Большое познавательное значение имеет шестая глава, посвященная вопросам организации женского гончарства, находящегося на стадии домашнего производства, и связанным с ним верованиям.

Вторая часть книги, посвященная гончарству, достигшему уже стадии ремесла, озаглавлена «Городское гончарное производство». Состоит она из четырех глав. В первой дается описание техники гончарства ряда среднеазиатских городов (Каратаг, Пянджикент, Самарканд, Шахрисябз, Ташкент, Гыждуван, Риштан). Эти материалы, приведенные раздельно для каждого города, характеризуют отдельные этапы в развитии керамического производства Средней Азии.

Во второй главе показаны формы ремесленных сосудов и устанавливается их хозяйственное назначение. Третья глава касается истории некоторых форм гончарных изделий. В этой главе Е. М. Пещерева особенно широко пользуется данными археологии. Ряд современных форм она прослеживает в древней согдийской керамике. Таковы, в частности, по ее мнению, кувшины для переноски и хранения воды, прототипы которых она усматривает среди самаркандских изделий первой половины I в. до н. э. и среди материалов долины р. Чу, относящихся к XI—XII вв. н. э. Таковы же и сосуды в виде птиц, аналогию которым имеются в согдийских материалах VI—XII вв. Эти сосуды Е. М. Пещерева по ряду признаков относит к происходящим от металлических, а именно — от бронзовых водолеев, широко применявшихся на среднеазиатской территории в VI—XII вв.

По мнению Е. М. Пещеревой, сосуды с плоским боком — фляги, ныне уже не изготавливаемые, в свое время начали вырабатывать под влиянием кочевников, которые и были их основными потребителями. Однако это утверждение автора не находит себе подтверждения в археологии. Наиболее ранние сосуды этого вида, найденные на Кой-Крылган-кале и относящиеся к IV в. до н. э., имеют явно ритуальное значение и бесспорно использовались оседлыми обитателями крепости. Правда, фляги археологи находят и на памятниках, оставленных кочевниками, но там они более поздние по времени и несколько иных форм. О том, что такими сосудами пользовалось и оседлое население, свидетельствует большое количество фляг, найденных в развалинах караван-сараяв, которыми в эпоху средневековья были оборудованы торговые пути, и на караванных тропах. Такие сосуды везли с собой обычно купцы, передвигавшиеся по этим тропам со своими торговыми караванами, а купцы, конечно, не были кочевниками. Приводимые в книге сведения о находках сосудов вида фляг следовало бы дополнить указанием на флягу конца XIV — начала XV в., богато орнаментированную рельефным узором с изображением плавающих рыбок, которая была найдена при раскопках караван-сарая Талайхан-ата на Узбое¹.

¹ См. О. А. Вишнева. Раскопки караван-сараяв Ак-Яйла и Талайхан-ата, Труды Хорезмской экспедиции, т. II, М., 1959, стр. 457, рис. 12.

Говоря о сосудах для вина, Е. М. Пещерева касается и вопроса о времени распространения чая в Средней Азии. Отправляясь от этнографических данных, она считает, что началом более или менее массового его употребления следует считать середину XIX в. Однако приводимые самой же Е. М. Пещеревой сообщения Мейендорфа, Бернса и др. говорят о широком распространении чая в Средней Азии уже в начале XIX в. Они же позволяют допустить, что чай там употребляли в не меньшем количестве и в XVIII в., а вероятно и раньше. Что же касается свидетельства Дженкинсона, на которое ссылается автор, говоря о том, что в XVI в. чай не употребляли, то ведь Дженкинсон был в Бухаре тогда, когда ее торговые связи с Китаем были нарушены, и, следовательно, в поступлении туда чая был какой-то перерыв.

В противоположность исследователям, считающим круглодонность сосудов признаком их кочевнического происхождения, Е. М. Пещерева доказывает — и, видимо, она в этом права, — что сосуды с округлым дном стали производить, когда от открытого костра перешли к особым очажным сооружениям. В подтверждение этого ее мнения можно указать, что у ранних кочевников Средней Азии сосуды, как правило, плоскодонные. С другой стороны, в средневековье, когда в ходу были удивительные очаги с открытым верхом, котлы ремесленного происхождения имели округлое дно, как об этом свидетельствуют находки на оседлых поселениях.

Однако едва ли можно согласиться с мнением автора, что деревянные блюда появляются в Средней Азии раньше, чем там был изобретен гончарный станок. Пытаясь доказать это, Е. М. Пещерева ссылается на деревянную чашу из Кенкольского могильника, который А. Н. Бернштамом датирован I веком до н. э. — II веком н. э. Но, как известно, гончарный круг в Средней Азии появился много раньше этого времени. В Хорезме, например, станковая посуда встречается уже в довольно большом количестве в середине I тысячелетия до н. э.

В четвертой главе второй части своей работы автор вскрывает характерные черты организации гончаров-ремесленников.

Книга завершается обширным заключением, содержащим общетеоретические выводы и обобщения. Особо следует отметить высказывания автора по поводу происхождения среднеазиатских цеховых организаций. Исходя из того, что городское ремесленное гончарное производство в Средней Азии выросло и развилось из домашнего гончарства, Е. М. Пещерева приходит к заключению, что и цеховые организации среднеазиатских гончаров-ремесленников уходят своими корнями в те женские организации, которые существовали в то время, когда гончарство находилось на стадии домашнего производства.

Труд Е. М. Пещеревой заслуживает высокой оценки. Содержащиеся в нем сведения по гончарству Средней Азии важны не только для этнографов, но в равной степени и для археологов и историков. Выход в свет этой книги несомненно принесет большую пользу исторической науке в целом.

Н. Вактурская

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Fél Edit. Hofer Tamás, Csilléry Klára. *Hungarian peasant art*. Corvina, Budapest, 1958, 82 стр. + 241 илл.

Большая работа венгерских этнографов Н. Э. Фел, Т. Хофер и К. Чиллери знаменит широкий круг зарубежных читателей (книга вышла на английском, немецком и французском языках) с венгерским народным искусством. Работа состоит из двух частей: вводного текста, характеризующего отдельные отрасли венгерского народного искусства, историю их развития, области распространения, и иллюстративного материала, занимающего большую часть книги. Исследование основано на использовании работ старых авторов и новейших публикаций венгерских этнографов и относится главным образом к XIX — началу XX в.

Рецензируемая работа носит прежде всего этнографический, а не искусствоведческий характер, что несомненно увеличивает ее ценность для этнографов, занимающихся сходным кругом вопросов. Многие стили и формы народного искусства уже давно вышли из употребления и могут изучаться только на музейных материалах или исторических источниках. Большая часть европейской литературы поэтому исследует народное творчество главным образом с точки зрения эстетики, истории искусства. Венгерские этнографы имели все возможности не только изучать народное искусство в музеях, но проследить бытование лучших художественных предметов среди сельского населения. Они стремятся познакомить читателя не с отдельными уникальными художественными вещами, а с типичными для венгерского народа предметами домашней